

КИНО

Хаматова — дама полусвета, Куценко — Александр Блок.

Фильм Алексея Германа участвовал в главном конкурсе Венецианской биеннале. К сожалению, призов он не получил. Но история о двух братьях, увлекающихся футболом в начале страшного XX века, рассказанная через разговоры персонажей, звуки, газетные новости, через цвет, свет, российскому зрителю должна быть интересна. Конечно, Герману не хватило мастерства, но его XX век — с его войнами, бессмысленной жестокостью и рушащимся на глазах миром — выглядит весьма убедительно и страшно. В картине практически нет звезд.

С ЧЕГО НАЧИНАЛСЯ ФУТБОЛ

Алексей Герман-мл.: "Я не люблю, когда в кино все объясняют"

Четверка главных персонажей — совершенно новые лица, которые всегда приятно видеть в российском кино: Евгений Пронин, Данила Козловский, Дмитрий Владимир и Александр Быковский. Чулпан Хаматова сыграла у Германа едва ли не свою лучшую роль за последние годы. Гоша Куценко в роли Блока выглядит курьезом, но в его существовании на экране есть определенное изящество — он как знак нашей эпохи. За день до вручения призов Венецианского кинофестиваля Алексей Герман дал интервью "МК".

— Фильм хорошо принимали в Венеции. Чье признание для вас важнее — зрителей, коллег, близких?

— Конечно, приятно, когда тебя хвалят, и неприятно, когда тебя ругают. Важно понимание того, где я и на каком свете нахожусь, понимание того, насколько я по своей внутренней шкале соответствую или не соответствую некоторому количеству моих любимых фильмов. Мне кажется, это надо держать внутри себя и не становиться самодостаточным...

— Внутренняя шкала — тонкий инструмент...
— Я стараюсь ее не сбивать. Есть только один способ: пересматривать ограниченное количество фильмов. Я много ездил по фестивалям, много смотрел и в какой-то момент понял, что схожу с ума. Мне нравилось то, что в принципе нравиться не должно. И, когда я начал писать режиссерский сценарий, у меня была сплошная "Догма" в голове, все тряслось. И я начал пересматривать — "Лапшина", "Рублева", "Долгие проводы"...

— Вам ведь предложили этот фильм?

— Да, сценарий принадлежит Вайнштейну и Антонову. Я пришел, когда они расстались с Хамраевым. Мы решили, что надо все начать заново, поменять

коллектив, кастинг, натуру. Я литературно переписал сценарий, но оставил процентов семьдесят того, что было в первоначальном варианте. Я старался превратить его в киноповесть. Мне кажется, что киноповесть — правильная формулировка, а сценарий — неправильная. Мы так быстро ухватились за американскую модель благодаря журналу "Искусство кино", который во многом погубил российское кино, что упустили тот факт, что мы этой технологией не обладаем. Вся наша школа противоречит тому, что принято в Америке. Для нас монтаж — мастерство, для них — ритм.

— Вернемся к вашему фильму. История о людях, которые выжили благодаря своему увлечению, была изначально заложена в сценарии?

— У меня была похожая сценарная заявка, назывался фильм "1914 год", но на него денег никто не дал. А когда мне попался сценарий Вайнштейна, я за него ухватился. К тому моменту мне так надоело, что все говорят: "Алексей, у вас был такой хороший фильм "Последний поезд", но он же не заработал денег". Ну, во-первых, он ничего не стоил, и при правильном понимании проката он мог

бы заработать, если бы с ним работали. Притом что он продан нормально в нескольких странах. А тут — сценарий, где за страницами, в которых мне что-то нравилось, что-то не нравилось, была замечательная вещь: про то, как я был молод, как любил футбол, про то, как мне было хорошо, как у меня были друзья, а потом я постарел, и мне стало очень больно.

— Вы ведь намеренно избегали в фильме прямых акцентов?

— Когда я смотрел старые фотографии Петербурга, я понял, что это был чудовищный город: зеленые, розовые, яркие, кричащие вывески, шляпы, головные уборы. Но в черно-белом варианте город выглядит благородно. И я должен был понять, как он будет выглядеть. Я сразу понял, что это должна быть выдуманная история. Потому что не было таких ребят, не было таких команд. Нам надо было просто передумать время заново. Если вы обратили внимание, то в фильме ни на ком нет головных уборов, а тогда все ходили в картузах. Когда это появлялось в цвете, это было ужасно, получался сериал. Как только мы пытались снимать на улицах Петербурга, такого пушкинско-достоевского толка, все тоже превращалось в картон, сериал. И на основе старых фотографий мы все передумывали. А дальше просто опасались грубых вещей, потому что я не люблю, когда в кино все объясняют.

— "Гарпастум" — ваш второй фильм в Венеции. Как вы относитесь к бурной фестивальной жизни, к наградам?

— Можно презирать ордена, но лучше презирать их, когда имеешь.

— Говорят, вы не очень рассчитываете на награду...

— Здесь огромное множество китайцев, знаменитые режиссеры вроде Терри Гиллиама, здесь Джордж Клуни. Я не хочу ничего загадывать, потому что все выяснится уже скоро. А чувствую я себя здесь не очень уютно, и это не кокетство. Я вырос в Ленинграде, жил там до 19 лет, у меня был свой класс, мы вместе повзрослели, вместе поступили в институт, и Ленинград — менее тусовочный город, я вообще не люблю, когда вокруг много людей. Я только сейчас начинаю адаптироваться, потому что мне все время хочется заискивать и улыбаться, и только сейчас я начал понимать, что никому ничем не обязан. Я себя здесь чувствую Бэрримором.

Мария ДАВТЯН.